

УДК 81

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

© Э. Р. Шакирова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел./факс: +7 (347) 272 62 28.
E-mail: elshakki@gmail.com*

Оценочность является неременной составляющей политического медиадискурса. В статье анализируются наиболее частотные способы реализации негативной оценки политика в англоязычном политическом медиадискурсе на примере российского президента. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о том, что в медиатексте оценка входит как часть в общее построение описания на разных уровнях языка и основана на оценочных стереотипах носителей языка. В британском политическом медиадискурсе создается образ Путина как представителя чуждой политической формации либо как сатирического персонажа. В американском политическом медиадискурсе образ Путина лишен комической окраски, оценка производится по аксиологическим оппозициям «свой/чужой», «герой/антигерой».

Ключевые слова: политический медиадискурс, медиатекст, негативная оценка, образ политика.

Целью данной статьи является характеристика способов реализации негативной оценки в современном англоязычном политическом медиадискурсе на примере формирования образа Путина в глазах англоязычного читателя. Политический дискурс понимается как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [цит. по: 1, с. 218]. Особую роль в существовании политического дискурса играет дискурс масс-медиа, являющийся в современную эпоху основным каналом осуществления политической коммуникации, в связи с чем правомерно говорить о тенденции к сращиванию политического дискурса с дискурсом масс-медиа [2, с. 13]. Основной единицей дискурса масс-медиа является медиатекст, под которым понимается дискретная единица медиатокта, рамки которого позволяют объединить такие разноплановые и многоуровневые понятия, как газетная статья, радиопередача, телевизионные новости, интернет-реклама и прочие виды продукции средств массовой информации [3]. Политический медиадискурс понимается как «совокупность медиатекстов, относящихся к политической сфере общества» [4, с. 29].

Идеологическая направленность медиатекста подразумевает использование контент-технологий, которые понимаются как «информационная система использования совокупности языковых средств речевой манипуляции для целенаправленного управления восприятием действительности массовой аудиторией» [4, с. 30]. К наиболее частотным способам речевой манипуляции относится реализация таких философских и социокультурных оппозиций, как «хорошо/плохо», «свой/чужие», «коми-

ческое/трагическое», «герой/антигерой», «истина/не-истина» [5, с. 14–20].

К базовым концептам политического дискурса относятся концепты «Власть» и «Политик» [2, с. 14]. Несмотря на то, что в англоязычных странах существует законодательный запрет на выражение оценки в новостных материалах [4], и укоренилась так называемая «журналистика новостей», когда новость играет основополагающую роль, а мнение автора, по сути дела, недопустимо [6], вслед за Барановым мы придерживаемся точки зрения, что «в некотором смысле нейтральное использование языка в принципе невозможно» [7, с. 5], тем более в медиатекстах, которые оказывают огромное влияние на общественное сознание и, следовательно, представляют собой в «высшей степени идеологизированный организм» [3, с. 17]. Позиция, освещение, точка зрения, способ интерпретации – все это определяет то, каким представляется мир в средствах массовой информации. В рамках данной статьи производится анализ оценочной вербализации концепта «Политик» на примере создания устойчивого негативного образа российского президента в современном англоязычном медиадискурсе.

Материалом анализа данной статьи являются публикации двух британских газет – “The Daily Telegraph” (далее в примерах: DT) и “The Guardian” (Gd), и двух американских газет – “The New York Times” (NYT) и “Washington Post” (WP), в которых упоминается имя В. В. Путина после его очередного вступления в должность президента России в мае 2012 года (по 20 публикаций методом сплошной выборки по ключевому слову «Путин»). Выбор данных изданий обусловлен попыткой составить более полное и объективное представление о том, какой образ Путина формируется в глазах среднего образованного англоязычного читателя. Все анализируемые издания входят в пятерку самых читае-

мых британских и американских газет [8–9; 6], выходят ежедневно, относятся к авторитетному классу так называемой «качественной прессы». При этом “The Daily Telegraph” является газетой консервативного толка, которую иначе в шутку называют Torygraph [10], “The Guardian” – общепризнанный проводник либеральных идей представителей среднего класса [11], “The New York Times” и “The Washington Post” относятся к самым престижным изданиям США, обслуживающим интересы высшего и среднего классов [6]. Все эти издания транслируют определяющие политические идеи социального и американского лингвокультурных сообществ, которые, в свою очередь, доминируют в англофонном мире. Таким образом, анализ медиатекстов данных газет позволяет составить довольно полное представление об англоязычном политическом дискурсе.

При этом в рамках одного издания можно выделить характерные для него особенности представления информации. Это позволяет говорить о дискурсе отдельной газеты, который является единым целым по своей идеологической и стилистической направленности [12, с. 28].

В статьях консервативного издания “The Daily Telegraph”, посвященных политической ситуации в России, создается устойчивый образ Путина не как серьезного политика, а как сатирического персонажа, который играет на публику. Самым частотным способом его дисфемизации является представление Путина не как серьезного политика, а как «крутого парня». Характерным примером являются октябрьские заголовки “The Daily Telegraph”: *Hunting, shooting and fishing with Vladimir Putin, Russia's man of action/ Action man Putin climbs wall/ Marlboro man' Vladimir Putin/ Vladimir Putin rides a Harley*.

Кроме того, постоянно упоминаются его съемки с дикими животными: “animal stunts”, “wildlife stunts”. Как известно, слово “stunt” определяется как “1. a dangerous action that is done to entertain people, especially in a film; 2. something that is done to attract people's attention, especially in advertising or politics; 3. something that is silly or that is slightly dangerous” [13]. Любое из указанных значений слова предполагает несерьезный характер этого действия, подчеркивает его трюковой характер. Когда оно применяется для характеристики политического деятеля, его действия выводятся из поля серьезной политики, он становится комическим персонажем: “The bird stunt seemed extreme to many who have already seen the strongman burnish his macho image by hunting whales and discovering ancient urns while scuba diving – performances that Putin last month admitted were staged” (DT, October 12).

В данном примере вновь закрепляется образ Путина, который устраивает представления, чтобы «навести блеск на свой имидж мачо». Использование еще одной устойчивой лексической единицы для представления Путина – “strongman” – только

усиливает комический эффект, поскольку “strongman” определяется как “1. a politician or leader who uses violence or threats to get what they want; 2. a very strong man who performs in a circus” [13]. Более того, в некоторых словарях первым является значение «цирковой силач» [14–15]. Соответственно формируется гротескный образ российского лидера и его окружения: “But the Russian strongman told him he would not be able to travel to the United States and instead sent his protégé and Kremlin predecessor Dmitry Medvedev to the summit at Obama's Camp David residence in Maryland” (DT, May 29).

В последнее время появилась новая тенденция в сатирическом изображении Путина в связи с его шестидесятилетием и очередным президентским сроком. Его представляют молодым стариком, а в скором времени и преемником Брежнева в качестве пожизненного властителя России: “Even though Mr. Putin is at an age at which he can collect his pension, many of the tributes played to his managed image as a sex symbol – one in five women say they would be happy to marry him in a Russian poll released on Friday...A wave of satire including comparisons to Soviet leader Leonid Brezhnev, whose 18-year rule until his death could be surpassed by Mr. Putin if he seeks and wins a fourth term in 2018, has hurt his macho image (DT, October 7).

В остальных случаях Путин предстает либо крайне жестким политиком, высказывания которого, как правило, предваряются такими глаголами, как “to push”, “to accuse”, “to insist”, “to refuse”, либо его фигура приобретает гиперболические черты жестокого тирана, который потерял связь с реальностью: “Putin's cruel tyranny is driven by paranoia” (DT, August 1); “Putin loses his touch: by cracking down so furiously on Pussy Riot and other opponents, the Russian strongman has opened himself up to ridicule as well as condemnation” (DT, August 20).

В целом анализ статей “The Daily Telegraph” о российском президенте позволяет сделать вывод о том, что основным способом оценки в формировании образа Путина является такая реализация оппозиций «комическое/трагическое» и «герой/антигерой», в которой он предстает гротескным антигероем.

Дискурс либерального издания “The Guardian” отличается более нейтральной стилистикой. Хотя “The Guardian” также использует аллюзии, иронично представляющие Путина «крутым парнем», который одинаково хорош в любой избранной им сфере деятельности, несмотря на возраст: “The name's Putin: Vlad Putin/ Fast and furious: preparing to drive a Formula One car in St Petersburg/ The only way is up: on a climbing wall/ Eat your heart out Shostakovich: on the piano in Moscow/ Easy rider: on a Harley” (G captions, October 7); “Rumours of plastic

surgery have long haunted Putin, who continues to maintain a macho image despite his advancing years” (G, October 7).

Тем не менее в отличие от “The Daily Telegraph” в статьях “The Guardian” нет карикатурного представления деятельности Путина. Данное издание далеко от положительной характеристики российского президента, однако оно использует более тонкие методы формирования негативного образа политика.

Как правило, в “The Guardian” не используются метафоры и эпитеты для описания российского президента, за исключением регулярно повторяющегося эпитета “powerful”: “the powerful president”, “Russia’s powerful leader”. Эпитет “powerful” трактуется как “having influence, effective, strong and working well” [13–15], то есть имеет устойчивую положительную коннотацию. Однако часто идея эффективности и силы власти Путина превращается в идею абсолютной власти, которая свойственна 1) либо особам королевской крови, 2) либо укротителям животных, 3) либо тоталитарным режимам:

1) “Russians celebrated Vladimir Putin’s 60th birthday on Sunday with adulation fit for a king<...> Not everyone in the kingdom was in celebratory mood” (G, October 7);

2) “Vladimir Putin, the benevolent zookeeper. <...> Putin as good shepherd, albeit to a flock of Siberian white cranes. The message of the underlying symbolism, however, remained the same: that the Russian president is omnipotent and benevolent, sole dispenser of salvation. But this is actually entirely in keeping with Putin’s view of his country: Russia is like a zoo, whose dim-witted and potentially dangerous inhabitants, human and animal, must be carefully guided by their keeper. <...> This requires a strictly authoritarian approach: if the lions were to decide for themselves where to take their daily exercise, there would soon be no more zebras. <...> Similarly, Putin believes his countrymen to be incapable of looking after themselves. <...> This is of course the ideology of the benevolent dictatorship, or better the zoo director” (G, September 7);

3) “If he finishes this term and serves another, he will have been in charge for longer than Leonid Brezhnev and almost as long as Josef Stalin” (G, October 7).

В дискурсе “The Guardian” Путин все чаще ассоциируется с советским режимом, его идеологией и методами управления: “Putin’s Russia: back in the USSR. There is a glaring paradox about the crackdown Vladimir Putin has launched since being elected president for a third term. If Putin commands majority support – a recent poll found that more than 33% want Putin to stay beyond 2018 for a fourth term – and if the opposition that filled the streets of Moscow and St Petersburg almost a year ago is by its own admission unable to present an alternative, why is Putin resorting to methods of repression unseen since Soviet days?” (G, October 28);

“Putin has drawn on Cold War stereotypes and conspiracy theories on US involvement in the Arab Spring uprisings to blame the US for encouraging Russia’s own opposition movement” (G, September 18).

Особенно интересным представляется использование комбинации лексических и синтаксических приемов для формирования зловещего облика российского лидера. Путинский призыв к инновационным преобразованиям в российской промышленности и процесс над панк-группой “Pussy Riot” перечисляются как явления одного порядка и снабжаются аллюзиями на сталинский «великий скачок» и на постановочные суды в эпоху сталинских репрессий, что полностью дискредитирует как его высказывания о перспективах развития российской экономики, так и обоснованность судебного преследования “Pussy Riot”: “The comparisons between Putin and the latter [Josef Stalin] have only grown in recent months, not least because of Putin’s own calls for a Stalinesque “great leap forward” in industry and the renewed spotlight on show trials, such as that of the feminist punk band Pussy Riot” (G, October 7).

Еще одним характерным приемом дискредитации Путина, при которой газета избегает прямой оценки его слов, является использование статистической информации, ставящей под сомнение валидность его высказываний: “When asked if he followed polls – which show that Putin’s popularity has slipped from heights that regularly had him polling at 70% approval ratings – the president said: “I have a chemical, an internal feeling, in the correctness of what I’m doing.” Putin’s latest approval ratings have fallen to a post-election low of 37% in one survey and even pro-government pollsters only have him at 48%.” (G, October 8); “To hear Vladimir Putin tell it, he works like a “galley slave”, pouring blood, sweat and tears into toiling for the Russian people with little personal gain in return. Yet according to a new report by some of his harshest critics, Putin may be the richest “slave” in the world, reaping official perks as the powerful leader of a country with a long history of enriching its omnipotent tsars. <...> According to the authors, Putin has overseen a phenomenal expansion in the awarding of presidential perks. At his disposal are 20 palaces and villas, a fleet of 58 aircraft, a flotilla of yachts worth some 3bn roubles (£59.2m), a watch collection worth 22m roubles and several top class Mercedes” (G, August 28).

Вариацией данного приема является предъявление в заключительном абзаце статьи информации, которая заставляет читателя взглянуть на все вышесказанное совершенно иными глазами. Например, довольно ироничное, но вполне доброжелательное описание способов отпраздновать юбилей Путина, к которым прибегали его многочисленные искренние сторонники, полностью перечеркивается заключительным абзацем статьи: “Russian officials remained mum on another anniversary celebrated on 7 October, the day in 2006 on which the

investigative journalist Anna Politkovskaya was murdered. As Putin was getting ready to celebrate his birthday in St Petersburg, opposition activists in the northern city gathered in the centre of town to unfurl a banner reading: "Putin, we remember everything" (G, October 7).

Дискурс "The Guardian" представляет собой более изощренный и сложный, чем в "The Daily Telegraph" способ формирования образа Путина в сознании читателя. В текстах "The Guardian" оценка входит как часть в общее построение рассуждения и реализуется целым комплексом языковых средств. В семантическом плане в основном реализуются оппозиции «истина/не-истина» (опровержение высказываний Путина) и «свой/чужой» (представление его как диктатора сталинского толка, чуждого демократическим ценностям западного мира). Кроме того, в отличие от "The Daily Telegraph" здесь Путин ни в коем случае не является гротескным персонажем.

В дискурсе обеих анализируемых американских газет наиболее активно негативный образ Путина формируется по следующим направлениям: 1) обладатель абсолютной власти, 2) жесткий гонитель оппозиции, 3) непопулярный президент.

Если в британском медиадискурсе для формирования образа Путина широко использовались оценочные номинации и атрибутивы, то в американском медиадискурсе это редкое явление. Так, например, для реализации негативной оценки Путина как воплощения абсолютной власти используется оценочный номинатив "czar": "*The good czar showed he despised the preposterous sycophancy of his pettifogging officials just like ordinary Russians did*" (NYT, Sept. 21); "*we don't need to replace a bad czar with a good czar*" (WP, Dec. 5). Однако, как правило, для номинации российского президента используются его имя и статус: "Mr. Putin", "President Putin", "President Vladimir V. Putin of Russia". Оценке подвергается не сам российский президент, а его действия, причем так же, как в британском медиадискурсе выстраивается ассоциативный ряд – «монархия – советский режим – путинская Россия»: "*moves, like God*", "*Stalin was channeling Nicholas; Putin channeled both*", "*the president had heard of Ms. Gessen's plight and reached down, with imperial magnanimity*" (NYT, Sept. 21); "*About Stalin they said, 'In the night a light will burn in the window.' And of Putin they will say, 'He flew over our homes with a flock of cranes*" (NYT, Sept. 5); "*Mr. Putin won 64.7 percent of the vote <...> extending his claim on power to 18 years, which would equal the rule of Leonid Brezhnev, the Soviet leader for much of the cold war*" (NYT, Nov. 21); "*Putin's regime*" (WP, Dec. 5); "*Mr. Putin is a KGB man, and he is not going to change.*" (WP, Dec. 6). Этот ассоциативный ряд позволяет опознать Путина как «чужого». Он противопоставлен «своим» демократическим ценностям, исповедуемым на Западе, и которые представлены в

статьях либо "human rights groups", либо международными организациями: "*The UN Committee Against Torture strongly criticized Russia in a report for failing to investigate widespread allegations of torture*" (WP, Nov. 24).

Самым эксплуатируемым образом Путина в обоих американских изданиях является образ жестокого преследователя политической оппозиции. "The New York Times" широко использует пассивные конструкции, которые, во-первых, представляют оппозицию в роли жертвы, а, во-вторых, помогают создать эффект повсеместного распространения описываемых явлений: "*Today's Russia is still worryingly unsafe: journalists have been assassinated, oppositionists beaten, the punk protesters Pussy Riot imprisoned.*" (NYT, Sept. 21), "*scores of young men were referred to military draft offices*" (NYT, May 7), "*several were detained in Moscow for staging an unsanctioned protest*" (NYT, Oct. 7), "*dozens were arrested, including the former chess champion Garry Kasparov, who is active in the Russian political opposition*" (NYT, Nov. 21). Более чем в половине случаев для оценки деятельности Путина "The Washington Post" прибегает к цитированию – интервью представителей оппозиции, высказываний так называемых «простых людей», исследований западных экспертов. Данный прием позволяет создавать иллюзию достоверности предлагаемых оценок и использовать самые жесткие формулировки: "*he claimed he was kidnapped, tortured, forced to sign a false confession*" (WP, Oct. 25); "*The broadcaster (NTV) has become part of the Kremlin's machinery for repression*", the White Ribbon movement, the Resistance group, the Moscow Civil Forum and For Human Rights group said Monday" (WP, Nov. 19); "*The U.N. Committee Against Torture strongly criticized Russia in a report for failing to investigate widespread allegations of torture and stepping up intimidation and reprisals against human rights advocates and journalists*" (WP, Nov. 24).

"The New York Times" активно разрабатывает тему снижения популярности Путина, представляя протесты оппозиции как массовое явление: "*an upswelling of dissent*" (NYT, Nov. 21); "*a wave of unsettling street protests*" (NYT, Nov. 20); "*the large antigovernment street protests*" (NYT, Nov. 1); "*mass protests on the streets of Moscow*" (NYT, Dec. 11). "Washington Post" также вносит свою лепту, из номера в номер используя атрибутив "unprecedented": "*unprecedented series of huge protests*" (WP, June 12); "*unprecedented protest movement*" (WP, Nov. 30); "*unprecedented anti-Putin protests*" (WP, Nov. 19). Все это вкупе с постоянными отсылками к «чужому» тоталитарному режиму формирует яркий образ «антигероя».

Таким образом, американский политический медиадискурс представляет собой более однородное явление, чем британский. Вербализация негативной оценки происходит по общему вектору:

«чужой» и «антигерой», а оценочный аспект текста складывается из значений, которые реализуются комбинированно на всех уровнях языка. В заключение можно сделать вывод о том, что в англоязычном политическом медиадискурсе при целенаправленном формировании устойчивого негативного образа Путина используются практически все аксиологические оппозиции, выделяемые в современной лингвокультурологии. Их реализация пронизывает все семантическое пространство медиатекста и всегда подразумевает использование оценочных стереотипов носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учебное пособие для студ. высш. учеб. завед. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 272 с.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 31 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
4. Иванова С. В. Политический медиадискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург, 2008. С. 29–33.
5. Никитина К. В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006.
6. Михайлов С. А. Журналистика Соединенных Штатов Америки. СПб.: изд-во Михайлова В. А., 2004. 448 с.
7. Баранов А. Н. и др. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики / А. Н. Баранов, О. В. Михайлова, Г. А. Сагаров, Е. А. Шипова. М.: [Фонд ИНДЕМ], 2004. 94 с.
8. Google Reader. Top 100 British newspaper feeds in Google Reader. URL: www.currybet.net/cbet_blog/2007/11/top-100-british-newspaper-feed.php
9. Infoplease. Top 100 newspapers in the United States. URL: www.infoplease.com/ipea/A0004420.html
10. Curtis B. "Strange days at the Daily Telegraph//Slate. URL: slate.com/articles/news_and_politics/letter_fromlondon/2006/10/paper_tiger.html
11. Ipsos MORI. Voting Intention by Newspaper Readership Quarter 1 2005, Ipsos MORI, 21 April 2005. URL: <http://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/580/Voting-Intention-by-Newspaper-Readership-Quarter-1-2005.aspx>
12. Калташкина Е. Ю. Прагматические аспекты изучения политического медиадискурса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Т. 12. 2012. Вып. 2. С. 27–32.
13. Longman English Dictionary Online. URL: <http://www.ldoceonline.com>
14. Macmillan Dictionary. URL: www.macmillan-dictionary.com
15. Oxford English Dictionary. URL: <http://oxforddictionaries.com/>

Поступила в редакцию 12.11.2012 г.